

Кроненберг Макс.

Современные философы (портреты и характеристики). Отрывок о Штирнере

Работа немецкого профессора философии М. Кроненберга опубликована в 1899 г. в Мюнхене.

Нельзя упускать из виду, что «Единственный» появился в 1844 году. Штирнер — один из буревестников революции 1848 года, быть может, самый радикальный из всех, если и не самый влиятельный, поскольку дело касается ближайших практических последствий для революционного движения. Сочинение Штирнера — крик угнетенной индивидуальности против пред- мартовского деспотизма, громкий протест против порабощения индивидуума, но также и протест против того либерализма, который, не имея силы сам завоевать себе свободу, несмотря на все разочарования все же ждал ее как подарка сверху... Но прежде всего Штирнер глубоко чувствовал и понимал противоречие между стремлением к свободе и существующей «свободой», между идеалом и действительностью. В течение тех десятилетий, которые предшествовали революции 1848 года, повсюду измышляли самые красивые мечты о будущем человечества, призывали к его прирожденной свободе, к правам человека, гражданина, немца, но эти представления лелеяли или их смели лелеять только как представления, как недействительное, как продукт мысли, как теорию, над которой смеялась практика... Ибо, ничуть не заботясь об этом, полицейские «Священного Союза» делали свое дело, давили малейшее проявление свободы и наполняли тюрьмы пионерами-борцами за «человечество» и «права человека». Борцы имели за собой право в «представлении», идею, идеал; их же противники — беспощадную силу-эгоизма, и успех их научил, что в действительности «право» остается за силой. Это сознание раздвоения между идеей и грубой действительностью глубоко овладело Штирнером; но вместо того, чтобы попытаться дать ему разрешение, он просто отбрасывает его от себя с иронической усмешкой, став выше его, или, скорее, он только высмеивает тогдашнее стремление к свободе, чтобы выступить как *advocatus diaboli** своего собственного эгоизма. В этом

отношении Штирнер — настоящий представитель своей эпохи, в которой мировая скорбь овладела многими из лучших людей, та мировая скорбь, которая происходит только от глубокого потрясения при виде противоречия, которого нет сил разрешить. И книга Штирнера отмечена грустью, которая так присуща стольким носителям мировой скорби: Мюссе, Байрону, Леопарди. Но его психика имеет особенно интимное родство с Гейне. Гейне старается защититься от мучительного противоречия между романтикой и холодным сознанием разума, между фантазией и действительностью тем, что иронизирует над романтической тоской, к которой его так страстно влекло в глубине его души; там, где она неожиданно выступает, он старается уничтожить ее язвительной и холодной насмешкой. Это — не юмор, который, беря противоположности в их крайностях, старается нежно примирить их; это — холодная ирония, безжалостная насмешка, резкий тон которой показывает, что она исходит из расчлененной глубины, в которой еще остается противоречие. Это мы видим и у Штирнера. Страстная жажда свободы овладевает его душой, но, видя резкое противоречие между стремлением, представлением и действительностью, он прибегает к иронии, он бежит от самого себя и высмеивает то, что в душе глубже всего его трогает. Идея истинной свободы низводится им до шутовского привидения, до измышления мозга, и этим самым он успокаивает свою собственную тоску по свободе; он поступает по известному мудрому правилу Гете — смиряться в целом, чтобы возвыситься над ним в частности, и он решительно становится на сторону силы, эгоизма... С другой стороны, этот последовательный эгоизм у Штирнера — нечто большее, чем только выражение преходящего или даже постоянного настроения; эгоизм расширяется у него — и благодаря этому создается непримиримое противоречие — до целой теории, до выработанного мировоззрения. Штирнер считает не только свое «я» устанавливающим нормы, а требует, чтобы и все в совокупности стали эгоистами; но этим он тотчас же вновь уничтожает свою теорию в принципе, так как он опять-таки вновь выставляет идею, мысль, а именно — эгоизм как нечто обязательное для человека. В этом отношении, как и в других, воззрения Штирнера представляют собою замечательную аналогию с воззрениями Руссо, буревестника Великой революции 1789 года - Оба они развили свои субъективные воззрения, явившиеся главным образом продуктом глубоких чувств, до общей теории, которая поэтому вступила в резкий конфликт с действительностью. Оба хотят возвратиться к естественному состоянию человечества, оба требуют уничтожения культуры, какою она была до сих пор: Руссо — потому, что видел ее непримиримое противоречие с желанной целью, блаженством человечества; Штирнер — потому, что был исполнен всеобщим противоречием (и противоречие Руссо лишь частный случай этого общего противоречия) между целями совокупной культурной жизни человечества и хотением единичного индивидуума, между идеей и действительностью. Но одну картину естественного состояния рисует пророк оптимистического, мечтательного XVIII столетия и иную — представитель эпохи, в которой всюду прорвалась наружу мировая скорбь и пессимизм... У Штирнера - состояние первобытной дикости, борьба всех против всех, господство силы и беспощадного эгоизма, который возвышает сильного и безжалостно давит слабого — философская предпосылка современных социальных теории, примыкающих к учениям Дарвина. Если сравнить Штирнера с Руссо, то кажется, будто оба жили в двух совершенно различных мирах. Для одного — естественное состояние представляется непрерывной идиллией; для другого — непрерывной трагедией; один хочет покончить с дикими, себялюбивыми стремлениями человека посредством уничтожения культурной жизни; у другого эти стремления освобождаются от всех оков и цепей, и он надеется, что этим же самым путем

он сумеет обеспечить полную свободу их проявления, поскольку они еще не уничтожены общей жизнью культуры. Легко увидеть поэтому, что один думал и чувствовал, как поэт, в то время как на другого оказали большое влияние трезвые заключения современного естествознания.

Не надо долго думать, чтобы увидеть, насколько Штирнер стал в противоречие с действительностью, отрицая альтруистические стремления человека или рисуя их как заблуждения, для того чтобы доказать единое господство эгоизма. Этот последовательный эгоизм, как уже говорилось выше, полон внутренних противоречий, и он противен природе человека, который должен был бы сначала уничтожить все свои особенности и должен был бы перестать быть человеком, если бы захотел пренебречь культурной жизнью, которой управляют общие цели. Но, конечно, его безусловной заслугой... останется то, что он чрезвычайно ярко осветил противоположность между теми общими целями, которые мы называем идеями, и стремлениями единичной личности, вообще между идеей и действительностью. Ибо в одном пункте он вполне прав: те идеи свободы, добродетели и т. д., которые до сих пор управляют прогрессом человечества, сами по себе — нечто недействительное, только мысли, исходящие из духа единичных личностей, а поэтому как таковые — без принудительной силы. Вот почему к ним подходит то, что можно было бы поставить эпиграфом всего учения Штирнера — слова Мефистофеля о мертворожденном Гомункуле:

Im Grunde hängen wir doch ab
Von Kreaturen, die wir machten

В конце концов приходится считаться с последствиями собственных затей. (Пер. Б. А. Пастернака — Ред.).

«Но именно то обстоятельство, что эти идеи не царствуют вне нас, а находятся в общей сумме наших представлений, ясно показывают, что они необходимо вытекают из природы человека. Этот последний тем именно и отличается от прочих живых существ, что может поступать не только бессознательно и инстинктивно, но и целесообразно, сознательно, представляя себе в своем духовном зоре, как цельную действительность, свои цели, желания, надежды, средства, могущие служить к их достижению, и пути, ведущие к ним,... это и есть то, что в узком смысле обозначают как идею или как идеал...»

Будем ли мы считать вместе со Штирнером такие идеи и вообще идеи, определяющие и направляющие совокупное действие людей, обманом, ибо их содержание трудно поддается определению и еще труднее осуществляется, а следовательно, они могут приводить к злоупотреблению безрассудностью и произволом? Или, наоборот, не должны ли мы при более внимательном рассмотрении, прийти к заключению, что этот последний факт так же мало может быть устранен, как и вся человеческая культура вообще, что поэтому надо эти идеи развивать все шире и шире, глубже и правильнее, и соответственно этому вводить их в действительность? Говоря вообще: нужно ли пренебрегать общими жизненными целями и идеалами потому, что со стремлением к ним неизбежны и заблуждения? Ответ несомненен. Склонность стряхивать с себя мучение заблуждений, прибегая к парадоксам и крайностям, разрубая узел, вместо того чтобы медленно его распутать, легко понятна там, где общее основное настроение овладело умами. В самом недавнем прошлом это настроение стало

господствующим, и этим объясняется тот факт, что мечтательно преподнесенные парадоксальные тезисы Штирнера или Ницше приветствуются столькими людьми, этим объясняются, конечно, и самые воззрения, провозглашенные этими современными пророками. Однако сколько бы истинного, остающегося ценным, ни заключалось в них, разум оказывается хитрым софистом, который, раз только они освободились от граней действительности, легко, слишком легко залетает ввысь и пустоту, чтобы околдовать следующих за ними ослепительным миражом. Но никогда мираж не становится более обманчивым и более опасным, чем тогда, когда показывает в сверкающем одеянии истины одно большое заблуждение, которое презрительно, торжествуя победу, возвышается над многочисленными отдельными ошибками, составляющими обычно предмет столь жарких споров.

Версия #4

Зверобой создал 6 апреля 2025 19:35:33

Зверобой обновил 10 апреля 2025 21:30:31